

ЭТИМОЛОГИЯ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ

ETYMOLOGY OF DIALECT LEXIS

DOI 10.15826/izv2.2021.23.3.055
УДК 811.161.1'282 + 811.511.1'373.6 +
+ 81-115 + 81'42

И. И. Муллонен
*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
Петрозаводск, Россия*

РУССКИЕ ГОВОРЫ КАК РЕСУРС ДЛЯ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

В статье предложена реконструкция ряда вепских и карельских людиковских производных лексем, материалом для которой послужила диалектная лексика русских говоров Обонежья. Утраченные из названных прибалтийско-финских языков в силу обрусения населения, проживавшего вдоль транзитных водно-волоковых путей, использовавшихся для освоения Обонежья уже начиная с времен Великого Новгорода, они сохранились в качестве субстратных или заимствованных в территориально смежных русских говорах. Вепские и карельские языковые данные традиционно используются для этимологической интерпретации русской диалектной лексики. Обратный же подход — привлечение русских диалектов как ресурса для прибалтийско-финских этимологических исследований — не получил широкого применения. При реконструкции важен учет таких параметров, как ареал русского слова, нацеливающий на вполне определенный прибалтийско-финский язык-этимон; закономерности фонетической субституции и адаптации специфических прибалтийско-финских звуков и звукосочетаний в русские говоры; бытование слова и его семантика в родственных языках. Дополнительные возможности предоставляет привлечение топонимических данных — в силу массовости и хорошей сохранности топонимов. В статье реконструировано несколько вепских и людиковских производных лексем, не зафиксированных в словарях и других источниках. Среди них лексемы с суффиксами *-(e)k* и *-(e)h* (**katek* 'тонкий лед', **torek* 'шум, треск, грохот', **čapek* 'заросшая подсека', *räbeh* 'сырое низкое место в лесу'), вепское отглагольное имя **kütm* < **kütkim* 'привязь для рогатого скота' с суффиксом *-im*, людиковский термин **hörpäk* 'кол с сучьями для сушки сена' с суффиксом *-äk* и вепский ландшафтный термин **pugend* ~

**pugond* ‘быстрина с узким руслом на реке’, в котором воплотился суффикс *-nd* (< *-nto*). Источником русских диалектных данных послужило монументальное издание — «Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов», подготовленный С. А. Мызниковым (2019). В нем проведена большая работа по поиску прибалтийско-финских корней для русских лексем. Понятно, что у автора словаря возникали естественные сложности в атрибуции русских диалектных лексем, для которых не сохранился их вепсский или карельский этимон. Интерпретации, которые изложены в статье, попутно уточняют, дополняют, а иногда и исправляют этимологии «Русского диалектного этимологического словаря».

Ключевые слова: русские диалекты; прибалтийско-финские языки; вепсский язык; карельский язык; лексика; этимология; языковые контакты; субстрат

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания КарНЦ РАН, тема № 121070700122-5 «Фундаментальные и прикладные аспекты исследования прибалтийско-финских языков Карелии и сопредельных областей».

Цитирование: *Муллонен И. И.* Русские говоры как ресурс для прибалтийско-финской исторической лексикологии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 3. С. 215–230. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.3.055>

Поступила в редакцию: 27.05.2021

Принята к печати: 07.07.2021

Irma I. Mullonen

*Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre of the RAS
Petrozavodsk, Russia*

RUSSIAN DIALECTS AS A RESOURCE FOR FINNIC HISTORICAL LEXICOLOGY

This article proposes a reconstruction of a number of Vepsian and Ludic Karelian derivatives of lexemes, referring to the dialectal vocabulary of the Russian dialects of Obonezhye region. Having been lost from the aforementioned Finnic languages due to the Russification of the population living along the transit waterways used for the development of Obonezhye region since the time of Veliky Novgorod, they have survived as substratum or borrowed units in geographically adjacent Russian dialects. Vepsian and Karelian language data are traditionally used for the etymological interpretation of the Russian dialect lexicon. The reverse approach, i.e. the involvement of Russian dialects as a resource for Finnic etymological studies has not been widely used. When reconstructing, it is important to consider such parameters as the area of the Russian word, aiming at a well-defined Finnic language etymon; patterns of phonetic substitution and adaptation of specific Finnic sounds and

sound combinations into Russian dialects; the existence of a word and its semantics in related languages. Additional opportunities are provided by the use of toponymic data due to the massive character and good preservation of toponyms. The article reconstructs several Vepsian and Ludic derived lexemes which have not been recorded in dictionaries or other sources. Among them, there are lexemes with suffixes *-(e)k* and *-(e)h* (**katek* ‘thin ice’, **torek* ‘noise, crackling, rumbling’, **čapek* ‘overgrown undercut’, *räbeh* ‘damp low place in the forest’), Vepsian verbal name **kütm* < **kütkim* ‘leash for cattle’ with the *-im* suffix, Ludic term **hörpäk* ‘stake with branches for drying hay’ with the suffix *-äk* and Vepsian landscape term **pugend* ~ **pugond* ‘swift with a narrow bed on the river’, in which the suffix *-nd* (< *-nto*) is embodied. The source of Russian dialectal data is the monumental publication *Russian Dialect Etymological Dictionary. Vocabulary of Contact Regions* (2019) prepared by S. A. Myznikov. A lot of work was done in it to find Finnic roots for Russian lexemes. The author of the dictionary had natural difficulties in attributing Russian dialect lexemes, for which their Vepsian or Karelian etymon did not survive. The interpretations presented in the article, along the way, clarify, supplement, and sometimes correct the etymology of the *Russian Dialect Etymological Dictionary*.

Key words: Russian dialects; Finnic languages; Vepsian language; Karelian language; vocabulary; etymology; language contacts; substrate

Acknowledgements

The study is a part of the state assignment carried out by the Karelian Research Centre of the RAS, topic 121070700122-5 “Fundamental and Applied Aspects of the Study of the Finnic Languages of Karelia and Adjacent Regions”.

For citation: Mullenon, I. I. (2021). Russkie govory kak resurs dlja pribaltiisko-finskoi istoricheskoi leksikologii [Russian Dialects as a Resource for Finnic Historical Lexicology]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(3), 215–230. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.3.055>

Submitted: 27.05.2021

Accepted: 07.07.2021

Введение

В традиции русской диалектологии привлечение прибалтийско-финских языковых ресурсов для интерпретации истоков севернорусской лексики. Традиция была заложена в начале XX века Яло Калимой [Kalima], подхвачена М. Фасмером, в наше время значительно развита исследованиями Уральской лингвистической школы при реконструкции истоков субстратной лексики Русского Севера [МСФУСЗ, вып. 1]. Целый пласт неисследованных ранее заимствований поднят многолетними исследованиями С. А. Мызникова, убедительным результатом которых стал «Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов» [РДЭС], опубликованный в 2019 г. В нем представлен анализ около 18 тысяч лексем, извлеченных из опубликованных и рукописных источников и картотек, а также собранных за более чем

30 лет самим С. А. Мызниковым в местах интенсивных и давних контактов русских и соседних диалектов. Основную часть корпуса словаря составляют заимствования из финно-угорских языков. В северо-западном контактном ареале источником заимствования служили прибалтийско-финские языки, в регионе Обонежья соответственно вепсский и карельский.

Стоит уточнить, что механизм контактирования включает не только (а для многих местностей не столько) заимствование, но и переход в русское бытование языковых единиц в ходе обрусения местного — в нашем случае прибалтийско-финского — населения. Термин «субстрат» не менее важен для описания характера контактирования, происходившего в регионе Обонежья, исторически прибалтийско-финской территории, включенной в состав новгородских владений, видимо, с XIV в., притом что само Онежское озеро служило на первых порах скорее участком транзитного водного маршрута в Поморье и Заволочье, и новгородцы оседали только непосредственно в опорных пунктах вдоль пути. Переход местного населения на русскую речь происходил постепенно. Показательно, что некоторые населенные пункты, в которых записан русский диалектный материал, числились еще карельскими или вепскими («чудскими») в списке населенных мест 1873 г. [СНМ 1873] и даже в более позднее время.

Данный исторический контекст позволяет привлекать русские диалектные данные как потенциальный источник для реконструкции утраченных вепских и карельских слов. Они хранят прибалтийско-финские языковые рудименты, исчезнувшие из самих названных языков. Это актуально для вепсского языка, поскольку, во-первых, вепсский язык оказался в поле зрения исследователей только в середине XIX в., а по-настоящему языковые сборы начали вести только в XX в., когда уже происходило размывание традиционной лексики [ЛАВЯ, с. 6]. Во-вторых, вепсы, исторически проживавшие вдоль транзитных водных путей в Поморье и Белозерье, рано оказались на пути новгородского продвижения на север и уже столетия назад обрусели на этих водных маршрутах (на Свири, на Онежском озере, реке Водле, на путях между Онежским и Белым озером, где позже прошел Мариинский канал). Однако в русских говорах этих мест сохранился значительный вепсский субстрат, который может рассматриваться как достоверный источник для реконструкции исторической вепсской лексики. Аналогичная ситуация и с карельскими людиковскими лексическими коллекциями, которые еще менее полны. Основным источником служит словарь людиковских диалектов [LMS], составленный Юхо Куелой по материалам собственных полевых сборов начала XX в., а также записей отдельных исследователей, произведенных в 1920-е гг. от эмигрировавших в Финляндию людиков, и изданный в 1944 г. Такая ситуация не располагала к планомерному сбору лексики, в результате в словаре много лакун. В послевоенное время людиковские говоры западного Прионежья, оказавшиеся в зоне притяжения двух больших городов Петрозаводска и Кондопоги, автомобильных трасс, промышленных предприятий, начали быстро размываться.

При реконструкции важен ряд методологических установок.

1. Учет ареала русского диалектного слова, нацеливающий на вполне определенный прибалтийско-финский язык-этимон. Так, вепсские и людиковские реконструкции позволительны для региона Обонежья, при этом вепсские предпочтительнее для южного, карельские же людиковские актуальнее для северного. Вепсский компонент обнаруживается и в северном Белозерье, хотя там с ним соперничает субстрат, имеющий неприбалтийско-финские истоки. Впрочем, как раз применительно к вепско-людиковской дифференциации ареальный критерий не всегда убедителен. С одной стороны, людиковское наречие карельского языка сформировалось, очевидно, в XVII–XVIII вв. в результате активного вепско-карельского языкового контактирования, с другой — в вепское Обонежье в XVI–XVII вв. и позднее происходил значительный отток карельских переселенцев, оставивших свои языковые следы. В силу этого нередко приходится ограничиваться недифференцированной вепско-людиковской реконструкцией.

2. Знание закономерностей фонетической субституции и адаптации при русско-вепском и русско-карельском контактировании, которые в действительности установлены лишь фрагментарно.

Известно, к примеру, что прибалтийско-финский ларингальный фрикатив *h* ведет себя по-разному в зависимости от языка-источника заимствования, позиции в слове, а также его фонетического окружения. Основные ситуации описаны в [Kalima; Матвеев; Муллонен, с. 51–56]. По мере накопления материала выявляются и другие показательные случаи. Среди них редкая, но, тем не менее, убедительная субституция начального *h* как *к*. В ряду отмеченных в РДЭС *конга* ← *honga* ‘сосна’, *камада* ‘ум, сила’ ← вепс. *hama* ‘ум, толк, память’, фин. *haamatti*, *haami* ‘ум, умение’. Приведем еще *кавать* ‘понимать дело, уметь его вести’. В РДЭС слово неверно связывается с карел. *käivä* ‘идти, происходить — о работе’, в котором на самом деле конечное *-vä*, являясь показателем I инфинитива, не входит в состав основы, т. е. фонетически не соотносится с *в*-овым элементом пудожского слова. Значительно убедительнее выглядит связь с фин. *havaita* ‘понимать, заметить’ [SMS], карел. *havaičuo* ‘заметить, обнаружить, проснуться, прийти в сознание’ [KKS, о. 1, s. 195] с инициальным *h*.

Важную роль играет фонетическое окружение *h*. Так, прибалтийско-финское сочетание *hj* стабильно передается как *г*: *куга* ‘небольшой стог сена’ ← *kuhja*, *кужо* ‘стог сена’ [РДЭС, с. 358], *мугач* ‘малек окуня, мальки’ ← *muhju* ‘небольшой окунь или другая рыба’¹, оформленное суффиксом *-ач*. В топонимии русского Обонежья *-пога* ← *-rohj* ‘конец залива’ в составе субстратных топонимов *Кондопога*, *Сопога*, *Лактопога*, *Умпога* и др., прибалтийско-финский источник

¹ Несмотря на то, что слово *muhju* отмечено только в финских говорах, именно его или, точнее, фонетически соответствовавший ему утраченный собственно карельский термин **muhju* следует считать источником заонежского *мугач*. В свою очередь, приб.-фин. *muhju* < **miihu* — результат дальнейшего развития *mijeh* ‘ряпушка’, вызванного метатезой.

которых имел сложную структуру; дер. *Рюга* в Заонежье ← карел. *ryhjä* ‘группа домов; центральная деревня’.

В свою очередь, в сочетании *hm* наблюдается тенденция к преобразованию *h* в *в* (видимо, через стадию *y* неслогового) с последующим «прояснением» *в* в *л*. Приведенные в РДЭС *тювмяк* ‘о чем-л. неудачно сделанном, изготовленном, испеченном’, оставленное без этимологии, и *тугмач* ‘бестолковый’ восходят к одному прибалтийско-финскому источнику — основе *tyhmä* ~ *tuhma* с семантикой ‘бестолковый; неуклюжий; громоздкий’ [SSA, о. 3, s. 319, 343], оформленной разными суффиксами: *tühmäk* ‘неуклюжий’ [LMS, s. 457] и **tuhmač*, **tuhmačču*². В них прибалт.-фин. *h* воплощен по-разному: в *тугмач* стандартная ситуация *h* → *г*, а в *тювмяк* как раз упомянутое выше *h* → *в*. Подобное развитие, только продвинувшееся еще на один шаг вперед, представляет пара *пагма* ~ *палма* ‘берлога’ ← люд. *pahn* ‘медвежья берлога, барсучья нора’, вепс. *pahn* ‘подстилка, солома для свиньи’ [РДЭС, с. 567]. Здесь произошло известное и по другим примерам развитие *л* на месте *y* неслогового или *в*, ср. *нявгать* и *нялгать* ‘мяукать’ из карел. *n’augio* ‘то же’, в топонимии Прионежья *Гавдозеро* ~ *Галдозеро* при вепс. *haud* ‘яма’, и др. Аналогичным образом объясняются истоки *л* в *колмак* ‘зыбкий торфяной островок на озере’ ← *kuhm* ‘желвак, шишка’ [РДЭС, с. 324–325], оформленном суффиксом *-ak*, свойственным ландшафтной терминологии.

3. Подтверждение бытования слова и его семантика в родственных языках. Здесь в целом неплохие возможности, поскольку есть диалектные словари всех прибалтийско-финских языков, в том числе особенно актуальные для данного исследования шеститомный словарь карельского языка [KKS], а также замечательный по полноте и охвату материала словарь финских говоров [SMS], вышедший, к сожалению, пока до *l* включительно, но зато размещенный в интернете.

4. Дополнительный прием, полезный для ряда лексем, например, связанных с маркировкой ландшафта, — привлечение топонимических данных.

Основным источником поиска русских диалектных слов для восстановления исчезнувшей прибалтийско-финской лексики послужил РДЭС. В нем проведена бесценная работа по выявлению лексем, имеющих прибалтийско-финские истоки, и их этимологической интерпретации. Тот подход к материалу словаря, который предложен в этой статье, нацеливает, прежде всего, на сложные случаи атрибуции русских диалектных лексем, для которых не сохранился их вепсский или карельский этимон. Для их интерпретации автор словаря С. А. Мызников вынужден был либо приводить данные из родственных прибалтийско-финских языков, где соответствующее слово сохранилось, либо подтягивать какие-то фонетически и семантически близкие соответствия, понимая при этом условность такой этимологии. В ряде случаев лексемы без четкого прибалтийско-финского этимона оставлены в словаре без этимологии. Поэтому понятно, что те

² В РДЭС (с. 803) истоки *тугмач* объясняются из вепс. *tuhopä* ‘лохмач’, что нецелесообразно при наличии *tuhma*.

интерпретации, которые будут изложены далее, попутно уточняют, дополняют, а иногда и исправляют этимологии РДЭС.

В статье предложена реконструкция нескольких вепсских и людиковских суффиксальных образований, по тем или иным причинам не зафиксированных в словарях и уже исчезнувших из активного употребления. Их корневые морфемы продолжают сохраняться в названных языках или бытовали еще в недавнем прошлом.

Ерняк ← люд. **hörpäk* ‘остожье’

Анализируя лексему **ерняк** (с вариантами *ярняк, ерна, херняк*) ‘кол с сучьями в кладке сена’, С. А. Мызников обращает внимание на то, что слово фиксируется на территории вепсского влияния, что позволяет предполагать в его исходе вепсский оригинал, который, однако, не известен вепсским говорам. Можно ли попытаться его реконструировать, исходя из тех параметров, которые были отмечены выше?

С учетом особенностей фонетической интеграции позволительно реконструировать **hörpäk*, для которого действительно не обнаруживается каких-то вепсских исходов, однако есть выход в карельском ливвиковском: *hörrpä* в ливв. ‘ответвление, развилина’, *hörpikäs* ‘развилистый, разветвленный’, возможно, также *hörpäkkö* ‘имеющий неровную поверхность’ [KKS, о. 1, s. 412] с закономерным чередованием *kk* : *k* в корне в зависимости от открытости — закрытости слога. Финские диалектные соответствия семантически значительно дальше, хотя SSA вводит карельские и финские данные в одно этимологическое гнездо: *hörrpä* характеризует что-то торчащее, болтающееся, выпячивающееся вперед, например, отвислую губу, наостренные уши (у лошади) [SSA, о. 1, s. 217].

Конечный элемент *-k* (приб.-фин. *-kka*), видимо, должен квалифицироваться как суффикс с семантикой ‘подобный тому, что выражает производящая основа’ [Nakulinen, s. 109]. Отличительная особенность остожья — сучья-ответвления, и в этом смысле мотивация оправдана. При этом, однако, соответствующий термин для остожья не отложился ни в одном источнике по карельской или финской диалектной лексике, как и другим прибалтийско-финским языкам. Поэтому понятно, с какими сложностями столкнулся автор словаря при поиске истоков русского диалектного термина. Предлагая в качестве возможного этимона карел. *häräkeh* ‘кол с сучьями (приспособление для сушки сена)’, он отмечает сложности фонетического характера для такого сопоставления [РДЭС, с. 189].

На самом деле это не вполне обычная ситуация, когда слово зафиксировано многократно и серией вариантов в русских говорах, при том, что нет абсолютно никаких его следов в территориально смежных прибалтийско-финских говорах — вепсских и людиковских. Это заставляет еще раз обратиться к русскому диалектному ареалу, в котором зафиксировано загадочное слово. Оказалось, что все фиксации привязаны к границам людиковского языкового ареала, что связывает его скорее с людиковскими говорами, нежели с вепсским языком.

В пользу этого предположения свидетельствует и то отмеченное уже выше обстоятельство, что производящая основа *hõrppä* ‘ответвление, развилина’ зафиксирована в карельском (пусть и не в карельских людиковских говорах) при полном отсутствии ее в вепсском. А если учесть, что материалы людиковских говоров, как уже отмечалось выше, собраны отрывочно, то логично полагать, что слово просто не успело попасть в поле зрения собирателей.

Однако, будучи по своим истокам, видимо, людиковским реликтом, русское диалектное слово в итоге всё же выводит на вепсский материал. В вепсском зафиксировано слово *hõrč* ‘остожье (жердь с сучками для сушки сена, снопов)’ [СВЯ, с. 142] с неясными этимологическими истоками. Реконструкция **hõrpäk* позволяет встроить вепс. *hõrč* в один этимологический ряд с ним с учетом вепсских фонетических особенностей. Во-первых, прибалтийско-финский формант *-kka* в вепсских говорах имел вид *-*čča > -č*, т. е. в вепсском слово должно было выглядеть как **hõrpäč ~ *hõrpač*. Во-вторых, закономерное для вепсской фонетики выпадение гласного второго слога при первом закрытом [Tunkelo, s. 718] приводило к редукции второго слога, **hõrpäč* при словоизменении приобретало вид **hõrpäčä- > *hõrpäčä- > hõrč*. Иначе говоря, вепс. *hõrč* может быть смело добавлено в прибалтийско-финское этимологическое гнездо *hõrppä*, которое выделяется этимологическим словарем финского языка SSA, и это удалось доказать благодаря фиксациям в русских говорах.

***Кутма, кутьма* ← вепс. **küt̃m* ‘привязь для рогатого скота’³**

В южном Обонежье известны рус. *кутма*, *кутьма* и *кутьма* ‘веревка или цепь, которой привязывают крупный рогатый скот’. С. А. Мызников правомерно соотносит их с карел. *kytkie* ‘привязывать’, вепс. *kütte* ‘привязь для рогатого скота’ [РДЭС, с. 305, 395], оставляя, однако, без ответа вопрос о происхождении *м*-ового элемента. Между тем он явно является здесь следом вепсского суффикса отглагольных имен *-im*, ср. *vidim* ‘трепало’ ← *vidoda* ‘трепать’, *pühkim* ‘скатерть’ ← *pühkta* ‘вытирать’ и др. Среди воспринятых в русские говоры лексем в РДЭС отмечена зафиксированная Г. Куликовским в Петрозаводском уезде словоформа *удим* ‘полог’ — из люд. *ūdin*, вепс. *uūdin* ‘полог’ [РДЭС, с. 823], при этом русское слово сохранило исторически более ранний облик прибалт.-фин. **ūdim*, с конечным *-m*. Этот ряд позволяет реконструировать для *кутма* и *кутьма* утраченный вепсский производный этимон **küt̃kim*, который в полном соответствии с закономерным для вепсской фонетики выпадением гласного второго слога при первом закрытом переходил в словоизменительных формах в **küt̃(k)me-*. Добавим, что восстановленный вепсский термин полностью укладывается в один ряд с финскими диалектными *kytkein* или *kytkin* (с основой на *-ime-*) ‘приспособление для привязывания коров и быков в хлеве’ [SMS]. Таким образом, и ареально (южное Обонежье), и в смысле фонетической

³ Этимология впервые обсуждалась в [Аникин, Муллонен, с. 251].

адаптации и *кутма*, и *кутьма* имеют бесспорные вепские истоки, позволяя восстановить забытое вепское слово.

Пугонда ← вепс. **pugond* ‘быстрина с узким руслом на реке’

Для пудожского термина *пуганда* ~ *пугонда* ‘узкое место в реке’ С. А. Мызников предлагает в качестве возможного истока фин. *pohde*, *puohde*, *pohti*, *puhti* ‘изгиб, залив, излучина реки’, хотя чувствуются некоторые его внутренние сомнения в правомочности этой интерпретации, которые выражаются, в частности, в том, что он отмечает неисконность слова для прибалтийско-финского мира. Это скандинавское заимствование: норв. *bukt*, древнешвед. *bucht* [РДЭС, с. 628]. Действительно, маловероятно видеть сугубо западнофинское диалектное слово, не имеющее никаких соответствий в восточных прибалтийско-финских языках, на территории Обонежья. Очевидно, следует искать для него иные истоки и вписать в ряд прибалтийско-финских отглагольных имен с суффиксом *-nto* (вепс. *-nd*): фин. *kaivanto* ‘ров, траншея’ ← *kaivaa* ‘копать’ [Hakulinen, s. 175], карел. *sulanto*, *sulando* ‘незамерзающее место в водоеме или на болоте; прорубь, полынья; проталина’ ← *suloa* ‘таять’ [Кузьмин, с. 206], вепс. *lugend* ‘чтение’ ← *lugeda* ‘читать’, *pajatand* ‘пение’ ← *pajatada* ‘петь’ [СВЯ, с. 301, 393]. В этом же ряду проникшее в русские говоры *веранда* ‘куча сучьев на подсеке, предназначенная для сжигания’ ← вепс. *verand* ‘костер при сжигании подсеки’, которое правильное возводить не к *viritada* ‘зажигать, разжигать’ [РДЭС, с. 128], а к приб.-фин. *viertää*, вепс. *verta* ‘палить подсеку’.

Исходя из облика русского диалектного термина *пуганда* и его семантики, кажется убедительным связывать его с финским глаголом *pukea* в значении ‘вдевать; протаскивать через, протискивать’, эст. *pugeda*, лив. *puggā* ‘проскользнуть, прошмыгнуть’. В вепском бытует каузативное производное *pugetada* ‘вдевать, продевать’ с суффиксом *-ta-*. Оно сопоставимо с соответствующим люд. *pugoittada*, фин. *pujottaa*, кар. *pujoittoa* ‘протискивать, протаскивать’ [SSA, o. 2, s. 418–419], при этом данные родственных языков свидетельствуют о том, что в них в соответствующих каузативных формах произошло сближение двух глагольных основ: *pukea* и *pujoa*. Данные родственных языков позволяют восстановить исходный вепсский глагол в виде **pugeda* ~ **pugoida*, который и послужил основой для именного образования **pugend* ~ **pugond*, обозначавшего, видимо, сужение русла реки, в котором вода «протискивалась», своеобразная «теснина», быстрина, место с быстрым течением из-за узкого русла.

Термин отсутствует в современных вепских говорах, однако сохранились его следы в топонимии. Среди них бывшая дер. *Пуганда* в составе исторического вепского села Винницы на реке Ояти. Сейчас деревни нет, но в районе ее бывшего расположения в Оять впадает *Пугандручей*, так что место хорошо узнается. Показательно, что в месте впадения Пугандручья на Ояти расположен небольшой порог, пережат с быстрым течением воды. На Свири приблизительно в районе нынешнего г. Лодейное Поле документы писцового дела 1563 г.

фиксируют урочище *Поганда*: «На Свери на Поганде Офремовская», «Новинка против Поганды» [ПКОП 1563, с. 76, 84]. В окрестностях села Вознесенье в устье Свири в Онежское озеро впадает небольшая речка с названием *Пугинжа*, в котором произошел характерный для гидронимии этой территории фонетический переход *-нд-* > *-нж-* (*Иленда* — *Иленжа*, *Колонда* — *Колонжа* [см.: Муллонен, с. 198–217]), т. е. исторически вепсский топоним имел вид **Pugend*. За пределами Присвирия несколько порогов или перекатов на реке Водле в Пудожском крае названы «пугандами»: *Житная Пуганда*, *Черная Пуганда*, *Извозная Пуганда*, *Нижняя* и *Верхняя Пуганда*, там же в составе Кривецкого сельсовета бывшая дер. *Поганда* ~ *Пуганда*. Именно здесь, на Водле, термин был известен русским говорам, будучи, конечно, субстратным наследием языка местных вепсов. Таким образом, русские говоры вновь донесли утраченное вепсское слово.

***Чабег* ← вепс. / люд. **čareg* ‘подсека’
и *рябег* ← вепс. **rābeh* ‘болотистое место в лесу’**

В прибалтийско-финских языках выделяется довольно представительная группа двухосновных имен с конечными согласными *-h* и *-k*, которые выступают в позиции после *-e*: вепс. *pereh* ‘семья’, *kaste* < **kastek* ‘роса’, *kide*, *kidegi* < **kideg* < **kidek* ‘состояние санного пути в сильный мороз’ (отсюда, видимо, *кидега* ‘морозная со снегом погода’ в олонецких говорах Прионежья⁴). Природа *-h* гетерогенна, *-k* же (точнее, *-ek*) выполнял первоначально функцию суффикса отглагольных имен. Со временем границы между ними оказались размытыми, да и сами «концовки» утраченными как из отдельных слов, так и из целых языков и говоров, хотя в целом неплохо сохранились в карельском и вепсском [Rapola, s. 298–324].

В русских говорах исходные прибалтийско-финские словоформы с конечными *-h* и *-k* совпали, передаваясь в обоих случаях концовкой *-га*, что фонетически полностью согласуется с правилами адаптации прибалтийско-фин. *h*, а также с тенденцией к озвончению *-k*, характерной, к примеру, для вепсских говоров: *azeg* ‘палка, кол, дубина’ < **asek* (ср. фин. *ase* ‘оружие’), *puheg* ‘заговор, заклинание’ < **puhek* (фин. *puhe* ‘разговор’).

При этом в числе русских диалектных словоформ этого типа обнаруживается некоторое количество единиц, не имеющих соответствующих оригиналов в современных прибалтийско-финских языках и не зафиксированных в источниках. Нельзя исключать того, что часть из них возникла просто по аналогии с образованиями на *-га*, имеющими в своих истоках прибалтийско-финскую лексему на *-h* или *-k* [Доля, Суханова]. Однако за многими просматривается явная возможность реконструировать карельский или вепсский источник. Наиболее просты и очевидны случаи реконструкции отглагольных имен в том

⁴ РДЭС предлагает другую этимологическую интерпретацию, связывающую слово с рус. *окидь*, *окить*, *окич* [РДЭС, с. 295].

случае, если сама глагольная основа сохранилась в языке. Далее предложено три вепсских и карельских людиковских реконструкции данной словообразовательной группы слов. Близость языков и смежность ареалов их бытования не всегда позволяет однозначно указать, было ли слово людиковским или вепсским.

Каदेशка ‘тонкий лед’, очевидный диминутив от **кадега*. Зафиксирован в русском Прионежье, что указывает на людиковский или вепсский источник в виде **kateg* < **katek* как закономерное образование от люд. *kattada*, вепс. *katta* ‘покрывать, накрывать’. Звонкий согласный конца вепсского / людиковского слова привел и к озвончению согласного второго слога в русском заимствовании. Реконструкция поддерживается соответствующим отглагольным именем *kate* < **katek* в значении ‘то, что покрывает или чем накрывают, например, крышка’ в финском и ливвиковских говорах [SSA, o. 1, s. 329].

Торега, *торуга* ‘шум, треск, грохот’, фиксируется в вытегорских говорах в южном Обонежье ← вепс. **toreg* < **torek* — именное образование от глагольной основы *toreita* ‘грохотать, барабанить’ [СВЯ, с. 576] < **toraita*, оформленной суффиксом отглагольных имен *-ek*, озвончившимся вследствие сонорного согласного второго слога.

Чабег ‘заросшая подсека’. Слово-эндемик зафиксировано в бывшем людиковском поселении Суйсарь, что предполагает людиковский оригинал типа **čapeg* < **čapek*. Последний, в свою очередь, должен в соответствии с закономерностями образования восходить к людиковской глагольной основе, родственной вепс. *čapta* (основа *čapa-*) ‘резать, рубить, сечь’ [СВЯ, с. 56]. Однако такой глагол не зафиксирован в карельских людиковских говорах. Для вепсского глагола вообще не обнаружено соответствий в прибалтийско-финском языковом мире, а ближайшие параллели приводятся из саамского (например, *čihpe* ‘рубить’) и мордовского (*чапомс*, *шапомс* ‘рубить’) [ЛАВЯ, с. 520], что вводит его в ряд древних западноуральских слов, сохранившихся в вепсском. В то же время в восточных вепсских говорах фиксируются *čapatez* ‘вырубка’ [СВЯ, с. 55], а в одном из южных *čapeika* ‘подсека’ [ЛАВЯ, с. 428–430] как отглагольные производные. В этом контексте логично полагать, что и глагол, и его производное **čapeg* являются вепсским наследием в территориально смежном людиковском говоре. Напомним, что людиковское наречие карельского языка сформировалось в ходе карелизации изначально вепсского языкового состояния в западном Прионежье.

Сложнее реконструируются образования с конечным *-h*, не являющиеся отглагольными и, соответственно, не поддерживаемые соответствующими глагольными основами. Далее предлагается реконструкция утраченного вепсского ландшафтного термина, опирающаяся как на русские диалектные данные, так и на топонимические свидетельства.

Рябег ‘сырое низкое место в лесу’ имеет довольно узкий ареал в западном вепсском пограничье. С. А. Мызников справедливо полагает, что слово сопоставимо с арх. *рябы* ‘малорослый лес на болоте или в тундре’, для которого еще со времен Я. Калимы известна прибалтийско-финская интерпретация,

предлагающая в исходе фин. диал. *räpeikkö* ‘кустарник, молодая поросль’, *rääpiö* ‘непроходимое место, топь’, ливв. *räbe(j)ikkö* ‘редколесье с плохой древесиной на болотистом месте’ [РДЭС, с. 697–698]. В свою очередь, *рябега* позволяет восстановить вепс. **räbeh* — незарегистрированный в языковых источниках и словарях ландшафтный термин, укладываемый в ряд лексем с конечным *h*. Такая интерпретация поддерживается, помимо отмеченного финского и карельского контекста, также топонимическим рядом на территории вепсского и русского Приюрья: покос *Rebeh*, болота *Räbänova* (*-nova* ‘топь’), *Räbäso* (*-so* ‘болото’), ручьи *Räboja* (*-oja* ‘ручей’), *Рябаза*, *Ребогоручей*, покос *Ребоха*, оз. *Рябозеро*. Его дополняют примеры из Обонежья: болото *Ребязинское* (Кулмукса Конд), р. *Ребежа* (Челмужи Медв), покос *Ребухи* (Бостилово Пуд). Колебания в фонетическом облике топоосновы вызваны нестабильностью конечного *h*, особенно в позиции перед последующим согласным в составе сложных топонимов, а также контаминацией гласных первого и второго слога. За появлением *з*, возникающим в ряде примеров, стоит процесс замены *h* → *z*, встречающийся спорадически в двухосновных именах с конечным *-h* во всех вепсских диалектах и вызванный развитием по аналогии со словами на *-ez*, имеющими в гласной основе *-ehe-* (типа *kirvez* : *kirvehe-* ‘топор’) [ЛАВЯ, с. 56].

Топонимическое бытование свидетельствует о более широком ареале прибалтийско-финского термина в Обонежье, который на самом деле может оказаться еще шире, если принять во внимание архангельскую словоформу *рябы* с необычной концовкой. Предлагаемые для архангельской лексемы финские и карельские оригиналы (*rääpiö*, *räpeikkö*, *räbe(j)ikkö*) являются суффиксальными производными, использовавшими форманты *-iö* и *-(i)kkö* с локативной семантикой [Наkulinen, s. 127, 131–132]. Сама производящая основа не известна, но как раз реконструкция вепс. **räbeh* дает посыл и для ее восстановления в родственных языках, особенно с учетом того, что фин. *räpeikkö*, ливв. *räbe(j)ikkö* хорошо встраиваются в соответствующую словообразовательную модель двухосновных имен с финальным *-h* или *-k*, ср. *rämeikkö*, *rämejikkö* ← *räme⁵*, *räme* ‘частый лес; бурелом; болотистая местность, поросшая чахлым лесом’ [Кузьмин, с. 193] при вепс. *rämegišt* ‘болотина’ [СВЯ, с. 489] < **rämeg* < **rämek* + суффикс *-išt*. Иначе говоря, ландшафтный термин **räbeh*, видимо, позволительно восстанавливать и для карельского языка. Именно он, а не вепсский источник послужил, скорее всего, основанием для архангельского термина *рябы*, зафиксированного на востоке области, в зоне довольно устойчивого карельского субстрата. Конечный *-ы* может быть в нем реминисценцией карельского исхода *-eh* (**räbeh*) или, скорее, *-e* (**räbe*), который характеризуется заднерядностью, т. е. напоминает по качеству звучания рус. [э]. Аналогичным образом известный на Урале и в Сибири

⁵ В карел. *räme^h*, являющемся отглагольным именем (от дескриптивного глагола *rämistä* ‘тремечь, стучать’ [SSA, о. 3, s. 125]), явно произошла замена первоначального конечного *-k* на *-h* в силу упомянутого выше размывания границ между историческими отыменными и отглагольными образованиями. Рудименты исконного *-k* лучше сохранились в вепс. *rämegišt* (см. в тексте статьи).

ландшафтный термин *рям* ‘болото, поросшее мелким лесом’ и в тихвинских говорах *рямода* ‘болотистое, сырое, также поросшее мхом место, на котором растет лес или кустарник; вязкое место в болоте’ [РДЭС, с. 701] отражают разный облик самого оригинала. В первом случае это, видимо, фонетический вариант без конечного согласного (*räme*), утраченного со временем, а второй воспроизводит как раз оригинальное вепс. **rämeg*, в котором на русской диалектной почве произошел переход заднеязычного *g* в переднеязычный *d*, подтверждаемый целым рядом примеров из топонимии региона вепско-русского контактирования⁶. Иначе говоря, в данном случае нет необходимости выделять топоформант *-да*, как предложено в [РДЭС, с. 701].

Выводы

Русские говоры Обонежья включают значительное количество лексем, имеющих прибалтийско-финские истоки. Этимоны многих из этих слов бытуют в качестве живых единиц в территориально смежных прибалтийско-финских языках. Однако некоторые из них в силу ряда причин были утрачены из вепских и карельских говоров, и в такой ситуации русские диалектные данные оказываются надежным источником их реконструкции. Апробированная в статье методика реконструкции показала важность таких параметров, как ареал русского слова, правила адаптации прибалтийско-финских звуков к русской фонетической системе, поддержка родственных языков, а также топонимии. Наиболее слабым звеном в этом ряду является фонетическая адаптация, что обусловлено не только недостаточной изученностью проблемы, но и значительной фонетической вариативностью [Мызников, с. 419–421], за которой стоят и разные контактирующие языки, и хронология контактов, и их характер. Очевидно, что в установлении фонетических закономерностей контактирования скрыт значительный резерв для дальнейших этимологических исследований и реконструкции исходных прибалтийско-финских этимонов.

Следует отметить, что РДЭС, включающий богатые материалы и с контактных пермских и поволжских территорий, значим для исторической лексикологии и других финно-угорских языков. В нем таится значительный этимологический потенциал для финно-угроведения в целом.

⁶ Ср. оз. *Янгинское* ~ *Яндинское*, дер. *Гегевичи* ~ *Гедевичи* (Лодейн), р. *Пугинжа* ~ *Пудинжа* (Подп), руч. *Гандие* < **Гангие* (Волх), в основе *hanh* ‘гусь’, и др. При этом данная фонетическая особенность не носила глобального характера, в русской топонимии южного Присвирья фиксируются примеры *Рямега*, *Рямба-болото*, *Рямжа* (с чередованием *g* : *ж*) и др., основанные на отражении вепского *g*.

Сокращения

В названиях языков и диалектов

арх.	архангельские говоры	люд.	людиновское наречие
	русского языка		карельского языка
вепс.	вепсский язык	норв.	норвежский язык
древнешвед.	древнешведский язык	приб.-фин.	прибалтийско-финский язык
карел.	карельский язык	фин.	финский язык
ливв.	ливвиковское наречие		
	карельского языка		

В названиях административно-территориальных единиц

	<i>Ленинградская область</i>		<i>Республика Карелия</i>
Волх	Волховский район	Конд	Кондопожский район
Лодейн	Лодейнопольский район	Медв	Медвежьегорский район
Подп	Подпорожский район	Пуд	Пудожский район

В названиях географических объектов

дер.	деревня	р.	река
оз.	озеро	руч.	ручей

Прочие

диал.	диалектный
-------	------------

Источники

Кузьмин Д. В. Словарь карельской народной географической терминологии. Петрозаводск : Периодика, 2020.

МСФУСЗ — Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Вып. 1 : А–И / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004.

ПКОП 1563 — Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г. // Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. : Материалы по истории Карельской АССР / под общ. ред. М. Н. Покровского. Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1930. (Материалы по истории народов СССР ; вып. 1). С. 57–254.

СВЯ — Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л. : Наука, 1972.

СНМ 1873 — Олонецкая губерния: Список населенных мест по сведениям 1873 года / Центр. стат. ком. М-ва внутренних дел. СПб. : Тип. МВД, 1879.

ККС — Karjalan kielen sanakirja. 1–6 / toim. P. Virtaranta, R. Koponen, M. Torikka, L. Joki. Helsinki : SUS, 1968–2005. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae ; XVI).

LMS — Lyydiläismurteiden sanakirja / ainekset keränneet K. Donner, J. Kalima, L. Kettunen, J. Kujola, H. Ojansuu, E. Pakarinen, Y. H. Toivonen & E. A. Tunkelo ; toim. ja julk. J. Kujola. Helsinki : SUS, 1944. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae ; IX).

SMS — Suomen murteiden sanakirja. URL: http://kaino.kotus.fi/sms/?p=article&word=kajava:2&sms_id=SMS_b0797e6ccac73b94b338e0b39b16fed4 (date of access: 10.05.2021).

SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3 / toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki : Kotimaisten kielten tutkimuskeskus — Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000.

Исследования

Аникин А. Е., Муллонен И. И. [Рец.:] С. А. Мызников. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб: Нестор-История, 2019. —1064 стр. // Вопросы языкового родства. 2020. № 3 (18). С. 249–260.

Доля Т. Г., Суханова В. С. Существительные на -га в русских говорах Карельской АССР // Севернорусские говоры. Л., 1975. Вып. 2. С. 78–84.

ЛАВЯ — Лингвистический атлас вепского языка / под общ. ред. Н. Г. Зайцевой. СПб. : Нестор-История, 2019.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера : в 4 ч. Ч. 1. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2002.

Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб. : Наука, 2003.

РДЭС — Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019.

Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. 3. korjattu ja lisätty painos. Helsinki : Otava, 1968.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki : Société Finno-Ougrienne, 1919. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne ; XLIV).

Rapola M. Suomen kielen äännehistorian luennot. Helsinki : SKS, 1966. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia ; 283).

Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1946. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia ; 228).

References

Anikin, A. E., & Mullonen, I. I. (2020). [Review of]: Myznikov, S. A. (2019). *Russkii dialektnyi etimologicheskii slovar'. Leksika kontaknykh regionov* [Russian Dialect Etymological Dictionary. Contact Regions Vocabulary]. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia. 1064 p. *Voprosy iazykovogo rodstva*, 3 (18), 249–260.

Dolya, T. G., & Sukhanova, V. S. (1975). Sushchestvitel'nye na -ga v russkikh govorakh Karel'skoi ASSR [Nouns Ending in -ga in Russian Dialects of the Karelian ASSR]. *Severnorusskie govory*, 2, 78–84.

Hakulinen, L. (1968). *Suomen kielen rakenne ja kehitys*. 3rd revised and enlarged ed. Helsinki: Otava.

Kalima, J. (1919). *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen*. Helsinki: Société Finno-Ougrienne.

Matveyev, A. K. (2001). *Substratnaia toponimiia Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North] (Pt. 1). Yekaterinburg: Ural University Press.

Mullonen, I. I. (2002). *Toponimiia Prisvir'ia: problemy etnoiazykovogo kontaktirovaniia* [Toponymy of the Svir Region: Issues of Ethno-Linguistic Contact]. Petrozavodsk: PetrGU.

Myznikov, S. A. (2003). *Russkie govory Obonezh'ia: areal'no-etimologicheskoe issledovanie leksiki pribaltiisko-finskogo proiskhozhdeniia* [Russian Dialects of Obonezhye: An Areal-Etymological Study of Vocabulary of Finnic Origin]. St Petersburg: Nauka.

Myznikov, S. A. (2019). *Russkii dialektnyi etimologicheskii slovar'. Leksika kontaknykh regionov* [Russian Dialect Etymological Dictionary. Vocabulary of Contact Regions]. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Rapola, M. (1966). *Suomen kielen äännehistorian luennot*. Helsinki: SKS.

Tunkelo, E. A. (1946). *Vepsän kielen äännehistoria*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.

Zaitseva, N. G. (Ed.). (2019). *Lingvicheskii atlas vepsskogo iazyka* [Linguistic Atlas of the Vepsian Language]. St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Муллонен Ирма Ивановна

доктор филологических наук, член-
корреспондент РАН, профессор, главный
научный сотрудник

Институт языка, литературы и истории

Карельского научного центра РАН

185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11

E-mail: irma.mullonen@hotmail.com

Mullonen, Irma Ivanovna

Dr. Hab. (Philology), Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences, Professor,
Chief Research Fellow

Institute of Language, Literature and History,

Karelian Research Centre of the RAS

11, Pushkinskaya Str.,

185910 Petrozavodsk, Russia

Email: irma.mullonen@hotmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5279-4880>

Scopus AuthorID: 57190248714